

О НЕКОТОРЫХ СУБСТАНТИВНЫХ ФОРМАХ ГЛАГОЛА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ И ИХ ДИАЛЕКТАХ

А. Э. Мешадиева

*Доктор философии по филологии,
доцент, учёный секретарь,
e-mail: meshadiyevaaynel@mail.ru,
Институт Языкознания им. Насими,
Национальная Академия Наук
Азербайджана,
г. Баку, Азербайджан*

ON SOME SUBSTANTIVE FORMS OF THE VERB IN THE TURKIC LANGUAGES AND THEIR DIALECTS

A. E. Meshadiyeva

*PhD in philology, Associate professor,
academic secretary,
e-mail: meshadiyevaaynel@mail.ru,
The Institute of Linguistics
named after Nasimi,
Azerbaijan National Academy of Sciences,
Baku, Azerbaijan*

Abstract. This paper examines the substantive form of verb ending in *-oov* in modern Turkic languages and their dialects. Currently a number of issues regarding the phonetic, morphological – semantic and functional features of substantive forms of the verb in the Turkic languages have not received exhaustive coverage. The paper analyzes structural-semantic, syntactic features and etymology experiences of the substantive form of the verb ending in *-oov* in Turkic languages. In this paper the similar and distinctive features, as well as phonetic variants of the form ending in *-oov* have been also considered. It should be noted that a systematic comparative-historical study of the grammatical elements of the Turkic languages takes on special significance in Turkology. The purpose of this paper is to reveal the linguistic nature and the specific features of the substantive form of the verb ending in *-oov* in the Turkic languages and to determine its functional-semantic potential and intercategory relations in the system of inflection.

Keywords: the substantive form of verb ending in *-oov*; phonetic; morphological – semantic; functional; features; etymology; comparative-historical analysis; Turkic languages; dialects.

Проблема субстантивных форм глагола (инфинитивов, имён действия) с их сложными лексико-семантическими, морфологосинтаксическими особенностями и стилистическими функциями занимает важное место в строе тюркских языков.

Изучение субстантивных форм глагола в тюркских языках представляет собой одну из актуальных проблем тюркского языкознания.

Субстантивные формы глагола получили освещение в отдельных монографиях, учебниках и учебных пособиях, кандидатских и доктор-

ских исследованиях, а также в статьях Н. Э. Гаджихмедова, В. Г. Гужева, Л. М. Ульмезовой, Г. Ш. Борукуловой, М. З. Жамьяновой, Р. Г. Закиевой, Г. Д. Ибрагимова, Б. К. Кутлымуратова, Э. Мелгазиевой, А. М. Мизиева, Д. М. Мурзаевой, Э. Д. Саидовой, Э. Сапаровой, Н. Р. Харисовой, Л. А. Шаминой, Дж. Тургунбайера, Д. Е. Акбабы, К. Эраслана, А. Р. Карабекоглу, Ф. Гёкче, Й. Йылмаза и др.

В тюркологии понятия инфинитив и отглагольное имя нередко отождествлялись некоторыми учеными-языковедами (М. Гусейнзаде, А. Ахундов).

В этой связи примечательно следующее высказывание Л. Ханбутаевой: «Для того, чтобы доказать этот факт, достаточно исследовать этимологию инфинитива в диахроническом плане» [17, с. 24].

Некоторые ученые (О. Чоммадов) отождествляют понятия отглагольные существительные и имена действия [17, с. 29].

В русском языкознании наиболее употребительным термином субстантивных форм глагола в тюркских языках был термин *инфинитив*.

Наиболее показательно на этот счет высказывание К. Г. Ишбаева: «Термин «инфинитив» /лат. *Infinitivus* – неопределенный/ тоже полностью не соответствует природе данной категории в тюркских языках. Но он удачен тем, что будучи интернациональным термином, не требует калькирования и является общепонятным» [5, с. 2].

Мы также полагаем, что самым целесообразным и удачным терми-

ном применительно к категории инфинитива в тюркских языках является термин «инфинитив».

Примечательно отметить, что в тюркологии в 60–80 гг. наиболее употребительным термином был термин *имя действия* (М. Исхаков 1960, Б. К. Кутлымуратов 1968, Б. Тойчубекова 1968, К. Мелиев 1976, К. Неталиева и т. д.). Эти исследователи считают термин «имена действия» самым удачным термином применительно к этой категории в тюркологической литературе. Данную точку зрения они обосновывают тем, что термины «инфинитив» и «отглагольные имена» по значению, которое они передают, не раскрывают ни семантической, ни морфологической сущности данных форм.

В этой связи наиболее показательно высказывание Б. К. Кутлымуратова: «И действительно в тюркских языках, в том числе и в каракалпакском языке, эту категорию нужно обозначать под термином «имена действия» и необходимо рассматривать имена действия наряду с причастиями и деепричастиями в системе функциональных форм глаголов» [6, с. 5].

Б. К. Кутлымуратов также отмечает, что: «... Из всех перечисленных выше более подходящим является термин «имена действия» (хэрекет аты), так как термины «отглагольные имена» и «инфинитив» не полностью отвечают содержанию категории имен действия в тюркских языках по той причине, что в изолированных отглагольных именах (существительные и прила-

гательные) глагольные признаки не сохраняются, а в именах действия глагольные признаки сохраняются» [6, с. 4].

Данной точки зрения придерживается также и Н. Тыдыкова: «Действи-тельно, термины «неопределенное наклонение», «масдар», «инфинитив», «отг-лагольное имя», «глагольное имя» не совсем четко отражают семантическую или морфологическую сущность категории «имя действия» [12, с. 668].

Относительно инфинитивных форм (имен действия по терминологии Н. А. Баскакова) примечательно следующее высказывание Н. А. Баскакова: «Обзор функциональных субстантивных форм глагола и их классификация показывают, что, во-первых, все они в полной мере сохраняют семантику процесса действия или состояния, а во-вторых, – что характерно для вторичных имен действия, – являются вместе с тем носителями грамматических категорий наклонения и времени, хотя эти категории и возникли в именах действия исторически через функциональные атрибутивно-определятельные формы (ср., напр., формы на *-гъы/-ги* и на *-макъ/-мек*, которые семантику наклонения приобрели через посредство соответствующих причастных форм на *-гъысы/-гиси*, *-макшы/-мекши* или формы на *-арлыкь/-ерлик*, *-гъанлыкь/-генлик* и пр., временное значение которых является общим с исходными формами причастия на *-ар/-ер*, *-гъан/-ген* и пр.) Сами по себе имена действия нейтральны в отношении

грамматических категорий наклонения и времени» [2, с. 423].

Некоторые тюркологи (Н. К. Дмитриев, А. Н. Кононов, Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева, К. Г. Ишбаев) отмечают, что развитие субстантивных форм глагола в различных тюркских языках шло неравномерно. В результате этого особенности употребления и этапы формирования субстантивных форм глагола различались.

Примечательны наблюдения В. Д. Аракина относительно исторического развития инфинитива в тюркских языках: «По всей вероятности, инфинитив стал складываться лишь после распада общетюркского языка-основы на отдельные языки» [1, с. 483].

Гипотеза В. Д. Аракина представляется нам весьма обоснованной.

Свою гипотезу В. Д. Аракин аргументирует фактом отсутствия в современных тюркских языках единой формы инфинитива, которая восходила бы к одной общетюркской форме инфинитива, а также фактом неравномерного развития инфинитивных форм в современных тюркских языках.

Историческое развитие инфинитива в азербайджанском языке было изучено в трудах Х. Мирзаде, Г. Багирова, Р. Мадатовой, И. Велиева и др.

Но, несмотря на разнообразие интерпретаций субстантивных форм глагола, их сущность остается идентичной. Иначе говоря, субстантивные формы глагола (инфинитивы, имена действия) одновременно обладают как глагольными чертами,

так и особенностями имени существительного.

Субстантивные формы глагола не только отличаются от личных форм глагола, но и от других неличных форм глагола (причастие, деепричастие).

В настоящей статье мы проведем структурно-функциональный анализ субстантивной формы глагола на *-у/-ув* в тюркских языках и их диалектах в сравнительно-историческом аспекте.

Субстантивная форма глагола на *-ув* является одной из древних имен действия в тюркских языках.

Показательно на этот счет высказывание Н. А. Баскакова: «Аффикс *-ув/-юв* в (отрицательной форме *-мав/-мев*), генетически восходящий к более древним формам того же аффикса *-игъ/-иг*, *-угъ/-юг*, *-гъы/-ги*, *-гъу/-гю*, который так же сохранился в каракалпакском языке в значение имени действия, но с другим семантическим оттенком» [2, с. 416–417].

В большинстве тюркских языков, в которых функционирует данная форма, она выступает под термином «имена действия», «глагольное имя».

В этой связи примечательно высказывание Д. Г. Тумашевой: «Так как глагольное имя на *-у/-ү* чаще всего выражает процесс действия и является нейтральным во временном отношении, его называют в тюркских языках именем действия, неопределенно-именной формой глагола, именем существительным со значением акта, процесса действия или его результата и т. д. Дело, однако, не только в терминах;

по-видимому, в различных тюркских языках данная форма в разной степени выражает глагольные и именные свойства, что зависит от всей системы глагольно-именных форм того или иного языка» [11, с. 83].

Форма на *-ув* в современном узбекском языке относится к продуктивным формам. Наибольшее распространение рассматриваемая инфинитивная форма получила в джекающих говорах узбекского языка.

В тюркологии фонетическое развитие форма на *-ув* представлено следующим образом: *-(y)в < -гу (-гу) < -иг (-иг)*.

В письменных памятниках староузбекского языка наиболее употребительна форма на *-гу/-гу*. Однако, несмотря на то, что приведенные выше формы исторически являлись фонетическими вариантами одно и того аффикса, формы на *-(y)в* и *-гу(-гу)* в современном узбекском языке функционируют в настоящее время в качестве самостоятельных аффиксов и выполняют присущие себе функции.

В «Диване» Махмуда Кашгарского зарегистрированы случаи употребления формы на *-гу (-гу)*: *тургу ер* [Махмуд аль-Кашгари Диван Лугат ат Турк, с. 71].

Имя действия на *-ув* в узбекском языке образуется от различных глагольных основ: *келув – приход* и т. д. Данная форма в основном обозначает процесс действия или состояния, а также является названием действия, определенного занятия.

Некоторые слова с аффиксом на *-ув* перешли в разряд имен суще-

ствительных: *сайлов – выборы, тинтув – обыск, егов – напильник, қишлов – зимовка, улов – вьючное животное, қиров – иней* и т. д.

Примечательно отметить, что форма на *-ув* в современном узбекском языке наиболее часто употребляется с аффиксами *-чи, -ли (-лик), -сиз, -чан*. Формы, образованные посредством аффиксов *-ув+чи* указывает на деятеля действия или состояния, например: *айтувчи – спикер, бошловчи – начинающий, новичок* и т. д.

Большинство слов на *-ув+чи* передают названия профессий, остальные же выступают в роли терминов, обозначающих определенные понятия той или иной отрасли наук. Например: *ёзувчи – писатель, аниқловчи – детерминант, определитель* и т. д.

Форма на *-ув+чи*, сочетаясь с аффиксами на *-лик*, передают значение отвлеченного названия определенной профессии или общественного статуса: *бошқарувчилик – должность управляющего, ёзувчилик – писательство* и т. д.

Обращает на себя внимание следующая особенность формы на *-ув+чи+лик*. Так, выступая в качестве имени существительного, рассматриваемая форма принимает аффикс отрицания на *-ма*. Следует также отметить, что некоторые из этих слов употребляются лишь в отрицательном аспекте, например: *етишмовчилик – нехватка, англашилмовчилик – недоразумение* и т. д.

Отметим, что посредством аффикса на *-ув* образуются однородные парные сочетания, но данное явление не носит последовательно-

го характера: *ёзув – чизув – писанина* и т. д.

В свете сказанного можно прийти к выводам, что форма на *-ув* в современном узбекском языке образуется от всех глагольных основ, обозначает названия процесса действия или состояния, способна принимать словообразующие аффиксы и сочетаться с различными модальными словами.

Как видим, имя действия на *-ув* в узбекском языке преобладают именными свойствами.

Все это наводит на мысль, что в узбекском языке не инфинитивные формы обладают именными свойствами, а имена действия имеют признаки, свойственные инфинитиву.

Исходя из этого, узбекские грамматики наиболее целесообразным считают употребление вместо термина «инфинитив» термин «имена действия или состояния».

На наш взгляд, не представляется возможным считать категорию инфинитива в узбекском языке сформированной.

Наиболее показательным на этот высказывание Ф. Исхакова: «Изучение основных грамматических свойств исследуемых форм приводит нас к сомнению в существовании в узбекском языке морфологически оформленной категории инфинитива» [4, с. 5].

В киргизском языке применительно к категории инфинитива преимущественно использовался термин «имена действия». Причина использования данного термина объясняется Б. Тойчубековой следующим образом: «...термины «инфинитив» и «отглагольные имена»

по тому значению, которое они имеют в грамматике, не раскрывают ни семантической, ни морфологической сущности названных форм» [10, с. 4].

Форма на *-ув* в тюркских языках имеет различный фонетический состав. Так, в отличие от выше рассмотренного узбекского языка, в киргизском языке данная форма имеет фонетический вариант *-уу//-оо*.

По мнению некоторых тюркологов, в киргизском языке исследуемый аффикс, функционирующий в форме долгого гласного *-уу//-оо* развивался из дифтонга, имеющего место в диалектах [3, с. 44; 15, с. 12; 16, с. 28–33].

Подобно узбекскому языку имена действия на *-уу//-оо* образуются от различных основ глагола: *саноо – считать, жазып салуу – написать* и т. д.

Отрицательный аспект формы на *-уу//-оо* образуется двумя способами: синтаксическим, т. е. при помощи отрицательного аффикса *-ба* и аналитическим – посредством отрицательных слов *эмес* или *жок*.

В киргизском языке форма на *-уу//-оо* сочетается с такими словообразовательными аффиксами как *-чы*, *-чы+-лык*, *-сыз*. Посредством аффикса *-чы* в сочетании с формой на *-уу//-оо* образуются имена существительные: *жазуучу – писатель, келирүүчүлөр – грызуны* и т. д.

Конструкция *-уу+-чы* сочетаясь с аффиксом *-лык*, образует абстрактные слова: *келишүүчүлүк – соглашение* и т. д.

Форма на *-уу//-оо* в киргизском языке, принимая аффиксы принад-

лежности могут сочетаться с модальными словами, послелогоми, вспомогательными словами и частицами. Например: *баруум мүмкүн – моя поездка возможна, келу- үсү алдында – перед его приходом* и т. д.

Следует подчеркнуть, что исследуемая форма в отличие от других форм имен действия киргизского языка принимает все падежные аффиксы. Так, имена действия на *-мак*, *-май* в указанном языке в редких случаях употребляются в склоняемом виде, а принимая аффиксы родительного падежа встречаются в некоторых пословицах и поговорках. Например: *Бармайдын келмейи кыйын – Пойдешь – трудно возвратиться* и т. д.

Примечательно отметить, что форма на *-уу//-оо*, а также остальные имена действия в киргизском языке в основном сочетаются с аффиксами дательного падежа. Рассмотрим примеры: *өңөрүндү көрмөккө (көрүүгө, көрүшкө) куштар болуп турабыз – Мы собрались, чтобы увидеть твое искусство* и т. д. [10, с. 18].

Обращает на себя внимание следующая особенность формы на *-уу//-оо* в сочетании с аффиксами дательного падежа. Так, форма на *-уу//-оо* принимая аффиксы дательного падежа, в отличие от других имен действия киргизского языка, может сочетаться с такими модальными словами, как *керек экен – должен, мүмкүн бекен – возможно*, а также с послелогоми и частицами *чейин –до, пока, да – и* и т. д.

Приведем несколько примеров: *барууга мүмкүн – есть возможность пойти, айтууга керек эле – нужно было бы сказать* и т. д.

Относительно степени продуктивности формы на *-уу//-оо* в киргизском языке можно отметить, что данная форма в указанном языке, в отличие от современного узбекского языка наиболее продуктивна.

В свете сказанного мы приходим к такому выводу, что форма на *-уу//-оо* сочетаясь именно с аффиксами дательного падежа в большей степени соответствует категории инфинитива в других тюркских языках: *жазууга болбойт – нельзя писать* и т. д.

Относительно синтаксической функции формы на *-уу//-оо* в киргизском языке следует отметить, что она может выступать в качестве любого члена предложения: *Эгин айдоо – байлык айдоо (поговорка) – Посев зерновых – посев богатств* (в роли сказуемого); *Эрк талашкан элди мээлеп ок атууну каалабайм! – Не хочу стрелять в народ, борющийся за свободу* (в роли дополнения) [10, с. 28].

В диалектах и говорах алтайского языка, как и в алтайском литературном языке имена действия не находят широкого употребления. Эти формы в некоторых диалектах алтайского языка изолированы от глагольной системы.

В большинстве случаев данные формы выступают в качестве отглагольных имен, утративших способность управлять падежами. Приведем несколько примеров: *садуу – саду – торговля, үлжүү – деление, доля* и т. д.

В современном каракалпакском языке инфинитивы употребляются под термином «имена действия».

Форма на *-ув* в рассматриваемом языке имеет фонетические варианты на *-ыў, -иў, -ў*: *алыў – взять, караў – смотреть* и т. д.

Подобно киргизскому языку, в каракалпакском языке относится к наиболее продуктивным аффиксам и образуется от любых глагольных основ.

Имена действия на *ыў, -иў, -ў* в каракалпакском языке принимают аффиксы числа, принадлежности, падежей. Отметим, что принимая аффиксы принадлежности, данная форма преимущественно употребляется с модальными формами *керек, тийис, лазым – нужно, необходимо и т.д.*, а также с такими послелогами, как *бойынша, хаккында, ушын*, например: *браыўм керек (тийис, лазым) – я должен не ехать* и т. д.

В отличие от других тюркских языков, в каракалпакском языке имя действия на *-ыў, -иў, -ў* выступает в качестве инфинитива.

Как мы отмечали выше, имена действия на *-ыў, -иў, -ў* в каракалпакском языке активно употребляются с падежными аффиксами. Сочетаясь с аффиксами именительного падежа, исследуемые формы довольно часто употребляются с модальными словами *керек, мүмкин – нужно* и т. д. Например: *барыў керек – нужно идти* и т. д.

Процесс, цель, состояние и направление действия имена действия на *ыў, -иў, -ў* в каракалпакском языке обозначают при сочетании с аффиксами дательного

направительного падежа. Например: *сө йлесиүге кетти – он ушел, чтобы рассказать* и т. д.

Данная конструкция синонимична словосочетаниям с именами действия в именительном падеже, которые сочетаются с послелогом *ушын – для*: срав. *сө йлесиүге кетти* и *сө йлесиү ушын кетти – он ушел, чтобы рассказать*.

Однако следует подчеркнуть, что значение, выраженное именем действия на *ыў, -иў, -ў* в дательном-направительном падеже неотчетливо прослеживается, тогда как в именительном падеже данная форма конкретно передает целевое значение.

Обращает на себя внимание следующая особенность имен действия на *ыў, -иў, -ў* в местном падеже. Так, принимая аффиксы местного падежа, рассматриваемая форма выполняют функцию сказуемого в предложении и передают значение продолжительного настоящего времени глагола. Рассмотрим примеры: *Колхоздагы жаслар арасында динге карсы пропаганда жумыслары да күшей-тилиўде – Среди молодежи колхоза усиливается антирелигиозная работа* [6, с. 20].

Имя действия на *-у/-ув* в языке сибирских татар употребляется в фонетическом варианте *-у/-ү*. Данная форма в указанном языке принимает аффиксы принадлежности и падежей, например: *Мини мысқыл итүнін өстөнтә – Она превзошла все в оскорблении меня* и т. д.

В большинстве своем форма на *-у/-ү* в языке сибирских татар рассматривается в качестве глагольного имени. Однако в отдельных случаях

рассматриваемая форма семантически приближается к инфинитиву.

Оттенок инфинитивного значения отчетливее прослеживается в случае сочетания данной формы с аффиксами дательного-направительного падежа или с модальными словами *кирәк, тейиш – нужно, необходимо*. Рассмотрим примеры: *Плотникларыбыс игинци йәргә ишләүгә гиткән – Наши плотники ушли работать в другое место; Ыссы, күгәлләрни интирү гәрәк – Жарко, надо спустить уток (на озеро)* и т. д. [11, с. 82–83].

Аналогичное явление распространяется и на современный башкирский язык, в котором форма на *-ы/-ү* выступает в качестве инфинитива лишь в сочетании с такими модальными словами, как *кәрәк – надо, необходимо, тейеш – должно, мөмкин – можно, возможно, ярай – можно* и т. д.

Форма на *-у/-ув* в диалекте западносибирских татар имеет следующие фонетические варианты: *-оу/өү, -ыу/-еү, -у/-ү*. Обращает на себя внимание следующая особенность данного диалекта. Так, в диалекте западносибирских татар исследуемое имя действия сочетается с аффиксом *әрәк*. Например: диал. *кәйлә короүәрәк – совр.татар.яз – хәйлә кырырга кирәк – надо хитрить, укып йөрөүәрәк – совр.татар.яз. – укып йөрергә кирәк – надо заниматься* и т. д.

Следует отметить, что в научных работах по диалекту западносибирских татар аффикс *әрәк*, имеющий место в конце слов с формой на *-*

оу/өү, -ыу/-еү, -у/-ү не получил должное исчерпывающее освещение.

На наш взгляд, указанный аффикс, является вовсе не аффиксом, а редуцированной формой слова *кирэк*, который утратил начальный согласный при присоединении к инфинитивной форме на -оу/өү, -ыу/-еү, -у/-ү.

В восточном диалекте башкирского языка имя действия на -оу/өү, -ыу/-еү, -у/-ү относится к весьма употребительным формам. Данная форма в большинстве своем передает целевое значение, сочетается с модальными словами *кэрэк - нужно, тейеш - должно* и принимает аффиксы дательного-направительного падежа.

Приведем для наглядности несколько примеров: *Самсиһанды борон керетеү кэрэк, һөйзәһен - Нужно вернуть Самсихана, пусть расскажет; һөйзәшеүгә китте - пошел беседовать* и т. д. [7, с. 140, 197].

В ногайском языке подобно некоторым тюркским языкам, форма на -ув/-уьв, -в обладает как именными, так и глагольными свойствами. Отметим, что в данной форме в основном преобладают именные свойства. Форма на -ув/-уьв, -в принимает аффиксы числа, падежей и принадлежности: *ушув - полет, ушувга - полету, ушувынъ твой полет* и т. д.

Имена действия на -ув/-уьв, -в утратив глагольные свойства, перешли в разряд имен существительных: *сайлав - выборы, выбирать, окув - учеба, учиться*.

Отметим, что рассматриваемые формы в ногайском языке сочетаясь

с аффиксом -шы/-ши, образуют производные имена существительные - *окувши - ученик, язувши - писатель* и т. д. Аналогичное явление распространяется и на узбекский, киргизский и др. языки.

Отрицательный аспект форм на -ув/-уьв, -в образуется, подобно глаголам ногайского и других тюркских языков, посредством отрицательного аффикса -ма/-ме: *бармав - не ходить куда-либо* и т. д.

Известный интерес представляет рассмотрение формы на -у/-ыу/-уу/-иу/-юу в карачаево-балкарском языке. Так, в карачаево-балкарском языке понятия «имена действия» отграничены от понятий «инфинитивы» и «причастия». Если в некоторых других тюркских языках «имена действия» и «инфинитивы» выступали синонимическими терминами одной глагольной формы, то в карачаево-балкарском языке «имена действия» рассматриваются как отдельная от них глагольная форма.

В этой связи показательно высказывание И. Х. Урусбиева: «Имена действия в карачаево-балкарском языке четко отграничены, с одной стороны, от причастия, с другой - от инфинитива, как своим содержанием, так и своей морфологической структурой. Например, *джазыу «писание», а не «писание» и «писать»* [13, с. 82].

Форма на у/-ыу/-уу/-иу/-юу в карачаево-балкарском языке не относится к инфинитивным формам и не выражают действия, а являются только его названиями. Большинство имен действия, образованные посредством данного аффикса, утратив основные глагольные свой-

ства, перешли в разряд имен существительных: *чѣплеу* – *подсолнух*, *тиреу* – *подпорка*, *атыу* – *стрельба*, *толуу* – *наполнение*, *суйюу* и т. д.

В современном татарском языке, подобно карачаево-балкарскому языку, имена действия в системе инфинитивных форм стоят особняком. Однако, имя действия на *-у/-ү* в татарском языке, в отличие от формы *у/-ыу/-уу/-иу/-юу* в карачаево-балкарском языке, не полностью утратила глагольные свойства.

Рассмотрим примеры: *Бер як кулларын бутый-бутый кѳрәштерүне, икенче як кѳрәштермәүне куәтләде* – *Одна группа людей, размахивая руками, настаивала на том, чтобы заставить их бороться, другая – на том, чтобы не делать этого* и т. д. [9, с. 262].

Некоторые слова, образованные посредством аффикса *-у/-ү* полностью перешли в разряд имен существительных: *сорау* – *вопрос*, *буяу* – *краска*, *уку* – *учеба* и т. д.

Примечательно также отметить, что в современном татарском языке встречается ряд прилагательных, омонимичных с рассматриваемой формой на *-у/-ү*: *кызу эш* – *горячая работа* – *кызу* – *горячиться*, *житү кыз* – *девушка*, *достигшая совершеннолетия* – *житү* – *достигать* и т. д.

Несмотря на то, что в некоторых тюркских языках и их диалектах «имена действия» и «инфинитивы» выступали синонимическими терминами одной глагольной формы, на наш взгляд, имена действия необходимо ограничивать от ин-

финитивов и рассматривать в качестве отдельной глагольной формы.

Библиографический список

1. Аракин В. Д. Инфинитив // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – 1988. – С. 483–490.
2. Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. Фонетика и морфология: в 2-х т. Т. 2, ч. 1. – М. : Издательство АН СССР, 1952. – 543 с.
3. Батманов И. А. Фонетическая система современного киргизского языка. – Фрунзе : Издательство Академии Наук Киргизской ССР, 1946. – 63 с.
4. Исхаков Ф. Имена действия и состояния в современном узбекском языке (формы на – и(ш), –моқ, –(у)в): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СамГУ, Самарканд, 1960. – 21 с.
5. Ишбаев К. Г. Инфинитивные формы глагола в башкирском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 1975. – 28 с.
6. Кутлымуратов Б. К. Имена действия в современном каракалпакском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нукус, 1968. – 24 с.
7. Максютлова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении. – М. : Наука, 1976. – 288 с.
8. Махмутова Л. Т. О татарских говорах северо-западных районов Башкирской АССР: по материалам экспедиций 1954–1957 гг. // Материалы по татарской диалектологии. – 1962. – вып. 2. – С. 57–85.
9. Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология / под ред. Н. Б. Бургановой, М. З. Закиева, Х. Р. Курбатова – М. : Наука, 1969. – 380 с.
10. Тойчубекова Б. Имена действия в киргизском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Фрунзе, 1968. – 32 с.

11. Тумашева Д. Г. Язык сибирских татар. В 2-х ч. – Казань : Издательство Казанского университета, 1968. – Ч. 2. – 182 с.
12. Тыдыкова Н. ОБ особенностях имени действия в алтайском языке // *Turkish Studies-Türkoloji Araştırmaları*. – 2007. – т. 2/2. – С. 665–679.
13. Урусбиев И.Х. Спряжение глагола в карачаево-балкарском языке. – Черкесск: Ставропольское книжное издательство, Карачаево-Черкесское отделение, 1963. – 232 с.
14. Чоммадов О. Керкинская группа диалектов туркменского языка (в ареально-историческом аспекте): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Ашхабад, 1992. – 38 с.
15. Юнусалиев Б. М. Заметки по истории киргизского языка. – Фрунзе : Илим, 1965. – 59 с.
16. Юнусалиев Б. М. Об оппозиционном влиянии звука *w* в киргизском языке // *Вопросы тюркологии*. – 1965. – С. 28–33.
17. Xanbutayeva L. M. Müasir Azərbaycan və ingilis dillərində infinitiv (ümumi-tipoloji tədqiqat). – Bakı : Kitab aləmi, 2003. – 130 s.
6. Kutlymuratov B. K. Imena dejstvija v sovremennom karakalpaxskom jazyke: Avto-ref. dis. ... kand. filol. nauk. – Nukus, 1968. – 24 s.
7. Maksjutova N. H. Vostochnyj dialekt bashkirskogo jazyka v sravnitel'no-istoricheskom osveshhenii. – M. : Nauka, 1976. – 288 s.
8. Mahmutova L. T. O tatarskih govorah severo-zapadnyh rajonov Bashkirskoj ASSR: po materialam jekspedij 1954–1957 gg. // *Materialy po tatarskoj dialektologii*. – 1962. – vyp. 2. – S. 57–85.
9. Sovremennyj tatarskij literaturnyj jazyk. Leksikologija, fonetika, morfologija / pod red. N. B. Burganovoj, M. Z. Zakieva, H. R. Kurbatova – M. : Nauka, 1969. – 380 s.
10. Tojchubekova B. Imena dejstvija v kirgizskom jazyke: Avto-ref. dis. ... kand. filol. nauk. – Frunze, 1968. – 32 s.
11. Tumasheva D. G. Jazyk sibirskih tatar. V 2-h ch. – Kazan' : Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1968. – Ch. 2. – 182 s.
12. Tydykova N. OB osobennostjah imeni dejstvija v altajskom jazyke // *Turkish Studies-Türkoloji Araştırmaları*. – 2007. – т. 2/2. – С. 665–679.
13. Urusbiev I.H. Sprjazhenie glagola v karachaevo-balkarskom jazyke. – Cherkessk: Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo, Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie, 1963. – 232 s.
14. Chommadov O. Kerkinskaja gruppa dialektov turkmenskogo jazyka (v areal'no – istoricheskom aspekte): Avto-ref. dis. ... dokt. filol. nauk. – Ashhabad, 1992. – 38 s.
15. Junusaliev B. M. Zametki po istorii kirgizskogo jazyka. – Frunze : Ilim, 1965. – 59 s.
16. Junusaliev B. M. Ob oppozicionnom vlijanii zvuka *w* v kirgizskom jazyke // *Voprosy tjurkologii*. – 1965. – S. 28–33.
17. Xanbutayeva L. M. Müasir Azərbaycan və ingilis dillərində infinitiv (ümumi-tipoloji tədqiqat). – Bakı : Kitab aləmi, 2003. – 130 s.

Bibliograficheskij spisok

1. Arakin V. D. Infinitiv // *Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov. Morfologija*. – 1988. – S. 483–490.
2. Baskakov N. A. Karakalpaxskij jazyk. Fonetika i morfologija: v 2-h t. T. 2, ch. 1. – M. : Izdatel'stvo AN SSSR, 1952. – 543 s.
3. Batmanov I. A. Foneticheskaja sistema sovremennogo kirgizskogo jazyka. – Frunze : Izdatel'stvo Akademii Nauk Kirgizskoj SSR, 1946. – 63 s.
4. Ishakov F. Imena dejstvija i sostojanija v sovremennom uzbekskom jazyke (formy na – i(sh), -moq, -(u)v): Avto-ref. dis. ... kand. filol. nauk. SamGU, Samarkand, 1960. – 21 s.
5. Ishbaev K. G. Infinitivnye formy glagola v bashkirskom jazyke: Avto-ref. dis. ... kand. filol. nauk. – Ufa, 1975. – 28 s.
6. Kutlymuratov B. K. Imena dejstvija v sovremennom karakalpaxskom jazyke: Avto-ref. dis. ... kand. filol. nauk. – Nukus, 1968. – 24 s.
7. Maksjutova N. H. Vostochnyj dialekt bashkirskogo jazyka v sravnitel'no-istoricheskom osveshhenii. – M. : Nauka, 1976. – 288 s.
8. Mahmutova L. T. O tatarskih govorah severo-zapadnyh rajonov Bashkirskoj ASSR: po materialam jekspedij 1954–1957 gg. // *Materialy po tatarskoj dialektologii*. – 1962. – vyp. 2. – S. 57–85.
9. Sovremennyj tatarskij literaturnyj jazyk. Leksikologija, fonetika, morfologija / pod red. N. B. Burganovoj, M. Z. Zakieva, H. R. Kurbatova – M. : Nauka, 1969. – 380 s.
10. Tojchubekova B. Imena dejstvija v kirgizskom jazyke: Avto-ref. dis. ... kand. filol. nauk. – Frunze, 1968. – 32 s.
11. Tumasheva D. G. Jazyk sibirskih tatar. V 2-h ch. – Kazan' : Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1968. – Ch. 2. – 182 s.
12. Tydykova N. OB osobennostjah imeni dejstvija v altajskom jazyke // *Turkish Studies-Türkoloji Araştırmaları*. – 2007. – т. 2/2. – С. 665–679.
13. Urusbiev I.H. Sprjazhenie glagola v karachaevo-balkarskom jazyke. – Cherkessk: Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo, Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie, 1963. – 232 s.
14. Chommadov O. Kerkinskaja gruppa dialektov turkmenskogo jazyka (v areal'no – istoricheskom aspekte): Avto-ref. dis. ... dokt. filol. nauk. – Ashhabad, 1992. – 38 s.
15. Junusaliev B. M. Zametki po istorii kirgizskogo jazyka. – Frunze : Ilim, 1965. – 59 s.
16. Junusaliev B. M. Ob oppozicionnom vlijanii zvuka *w* v kirgizskom jazyke // *Voprosy tjurkologii*. – 1965. – S. 28–33.
17. Xanbutayeva L. M. Müasir Azərbaycan və ingilis dillərində infinitiv (ümumi-tipoloji tədqiqat). – Bakı : Kitab aləmi, 2003. – 130 s.

© Мешадиева А. Э., 2018.